

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Соловьёва Романа Сергеевича на тему:
«„Жизнь Плотина“ Порфирия в историко-литературном контексте II–III
века и проблема ее жанровой неоднородности»
по специальности 5.9.7 – Классическая, византийская и новогреческая
филология

В настоящее время эпоха поздней античности, охватывающая период приблизительно с III по VII вв. н.э., ранее находившаяся в пренебрежении у исследователей, привлекает к себе все больше внимания, и количественные изменения постепенно приводят к ее переоценке: если прежде в ней видели в основном упадок и постепенное разрушение классической культуры, то сейчас исследователи все более склонны видеть в ней самостоятельный мультикультурный период, характеризующийся сменой мировоззрения и общей трансформацией культуры. Этот процесс сопряжен с отказом от ряда господствовавших ранее догм и предубеждений. В то же время огромный массив источников, частично еще не введенных в научный обиход, или недостаточно освоенных, и достаточно большой объем сопутствующей научной литературы часто не дают ученому возможности шире взглянуть на ту иную проблему, оторвавшись от эмпирического исследования частных вопросов.

В этом смысле диссертационное исследование Романа Соловьёва, посвященное месту столь значимого памятника, как порфириевская «Жизнь Плотина», в общем историко-литературном контексте II–III в. радует именно широтой взгляда и исследовательской смелостью в сочетании с тщательной проработкой материала и солидной научной фундированностью. Достаточно упомянуть, что библиография к работе включает 172 наименования источников и 338 – научных исследований на нескольких языках.

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью непосредственных контактов и литературных связей между христианами и язычниками в эпоху, когда христианская мысль достигает уровня, позволяющего на равных участвовать в философских спорах и даже оказывать некоторое влияние на своих оппонентов, несмотря на ситуацию гонений и предубеждение противоположной стороны. Эти новые возможности связаны, прежде всего, с грандиозной фигурой христианского философа и богослова Оригена, который, наряду с автором и главным героем рассматриваемого сочинения, оказывается в центре внимания диссертанта.

Среди положений, выносимых на защиту – пересмотр терминов «средний платонизм» и «неоплатонизм»; утверждение представления о христианстве как о новой, формирующейся интеллектуальной силе, об открытости платоновских школ иным философским и религиозным традициям и, в частности об интересе языческих философов к иудео-христианской мысли ; определение позиции Порфирия в полемике с христианами.

Широта постановки вопроса и многообразие затрагиваемых в диссертации тем не дают возможности останавливаться на всех подробно, однако в целом работа представляется мне вполне добротной, а выводы автора, если не однозначно убедительными, то, во всяком случае, имеющими право на существование. Насколько они будут или не будут приняты научным консенсусом, пока судить рано, но, во всяком случае, часть положений может существенно скорректировать нынешнюю картину исследуемой эпохи.

Не могу не согласиться с такими выводами автора, что изолированное рассмотрение языческих и христианских литературных памятников мешает реконструкции реального исторического контекста, что язычники и христиане работают в едином интеллектуальном поле и оказывают влияние друг на друга; что позиция Порфирия во многом обусловлена его соперничеством с «первым учеником» Плотина, Амелием и расхождениями с

ним в оценке христианского представления о Логосе; а также с тем, что у Порфирия чувствуется некая «уязвленность» христианским учением. Вполне убедительными мне кажутся доказательства единства личности Оригена.

Вывод о жанровой неоднородности «Жизни Плотина», которая, будучи энкомием, не вписывается в традиционную схему, предусмотренную для этого жанра, тоже совершенно закономерен, поскольку такого рода жанровые трансформации и эксперименты характерны для этой эпохи в принципе (здесь можно вспомнить и «Пир десяти дев» Мефодия Олимпийского, в котором форма платоновского диалога включает, в сущности, авторский монолог, и позднейшие «Беседы на Шестоднев» Василия Великого, где популярная в поздней античности «научная смесь» раскладывается по «полочкам» библейского повествования о сотворении мира, и христианские жития, написанные гекзаметром, и сочинения императора Юлиана, по лексике и почти неотличимые от современных им христианских сочинений).

В то же время работа Р. Соловьева не лишена некоторой модернизации и тенденциозности, от которых, по крайней мере, в будущем, можно было бы избавиться. Любого исследователя, принадлежащего к общеевропейской христианской традиции, подстерегает опасность преувеличения значения христианства в истории исходя из его последующей роли и собственных убеждений. Так что, на мой взгляд, и автору данной диссертации можно было бы в ряде случаев высказываться осторожнее и воздерживаться от слишком широких обобщений и триумфалистского пафоса.

Например, на с. 21 читаем: «В эпоху Второй софистики христианские авторы не только воспринимали элементы эллинской философии, что общеизвестно, но и **сами стали заметной силой в кругу интеллектуалов и философов**, и уже во II в. вызывали критику платоников Кельса, Апулея, стоика Марка Аврелия, киника Крескента, Лукиана; **это вынуждало христиан полемизировать с языческими оппонентами**, а также разрабатывать собственное учение». – Можно ли судить о том, что христиане

стали «заметной интеллектуальной силой», например, по лукиановскому изображению их общины в памфлете «О кончине Перегрини» или по апулеевскому образу развратной и лицемерной мельничихи, которая утверждает, что чтит единого Бога (Met. 9, 14)? Что касается полемики христиан с языческими оппонентами, она в значительной мере фиктивна: кому бы ни адресовали христианские апологеты свои сочинения, характер аргументации в них таков, что истинными их адресатами могут быть только сами христиане (здесь можно вспомнить хотя бы используемый тоpos о почитании язычниками «бездушных идолов» в качестве богов, основанный на библейских текстах – Пс. 113, 12; 134, 15; Дан. 14 и т.д., но не имевший ничего общего со взглядами образованных язычников). Цель этих сочинений – создать видимость интеллектуальной победы над оппонентами, еще более укрепив в вере своих единомышленников. Языческие интеллектуалы, в свою очередь, воспринимают христиан как людей суеверных и невежественных, и эти обвинения, при всей их тенденциозности, нельзя воспринимать исключительно как клевету. Если оценивать литературную продукцию, производимую христианами I-II вв., то единичные серьезные сочинения тонут в море разнообразных апокрифов и ареталогий, и даже новозаветный канон еще находится в стадии формирования, а для внешнего взгляда попросту не существует. Так что, пожалуй, оценка должна быть несколько скромнее: обвинения со стороны внешних, а также конфликты между разными общинами и внутри их заставляют уже появляющихся христианских интеллектуалов развивать собственное учение.

В числе этих христианских интеллектуалов, разумеется, заслуживает упоминания Иустин Философ, однако его влияние не стоит преувеличивать: для самих христиан, пожалуй, важнее был его мученический подвиг, отчего он и именуется «философом и мучеником», причем встречается и наименование ἀπὸ φιλοσόφου (например, у Леонтия Византийского), чем подчеркивается, что философом он был до того, как стал христианином. Даже у христианских авторов упоминания об Иустине сравнительно редки.

Позднее патриарх Фотий писал о нем, что его сочинения были лишены риторических прикрас, а потому не привлекли большого числа слушателей (Bibl. Cod. 125). Возможно, его апология, адресованная императорам, вызвала полемический отклик Кельса, но очевидно, что тот не воспринимает его всерьез и не видит в учении христиан ничего нового. Мог ли Иустин оказать какое бы то ни было влияние на Нумения, с которым одновременно жил в Риме, и знал ли его Нумений, остается только гадать (Р. Соловьев высказывается об этой возможности утвердительно – с. 218, хотя не совсем понятно, на каком основании).

Если отдельные христианские сочинения и некоторые аспекты христианского учения привлекали внимание определенной части языческих интеллектуалов, то причиной этому была скорее их собственная открытость чужой премудрости, нежели реальная ценность последней. Можно ли, к примеру, сказать, что их интерес к герметизму был вызван исключительными достоинствами этого учения? – Едва ли. Интерес к иудаизму в языческой среде некоторое время был даже в моде (можно вспомнить жену Нерона Пoppею, интересовавшуюся и иудаизмом, и учением халдеев). Несомненно, значительное влияние как на христиан, так и на язычников оказал Филон Александрийский, но он был столько же платоником, сколько и приверженцем иудаизма. Впрочем, иудейская культура той эпохи в принципе не свободна от греко-римского влияния, в частности, философского, так что вопрос, кто на кого повлиял, в чем-то сродни знаменитому парадоксу о курице и яйце.

«Ощущение реальности Христа в корне меняет кругозор интеллектуалов конца I–II вв., – пишет Р. Соловьев, – поскольку Его реальная жизнь оказывается столь же реально предварена историей и писаниями еврейского народа, которые входят в поле зрения греческих философов еще до Порфирия» (С. 156). - Ощущение реальности Христа присутствовало только у самих христиан. Если у язычников появляется ряд сочинений ареталогического типа, к числу которых по некоторым

параметрам относят и «Жизнь Плотина», то это продолжение их собственной традиции. Да, дошедшие до нас ареталогические сочинения в основном относятся к поздней античности, поэтому сквозь призму христоцентричной европейской культуры хочется увидеть в них влияние христианства, однако первые образцы литературы этого типа возникли веками раньше. До нас дошли отголоски преданий об Аристее Проконесском, являвшемся людям после своей смерти, об Абарисе, исцелявшем болезни и передвигавшимся по воздуху, о Замолксисе, почитаемом у гетов как бог, о Менекрате Сиракузском, враче Филиппа Македонского, объявившем себя Зевсом. Светоний в биографии Вергилия говорит о его рождении в придорожной канаве после вещего сна матери. Еще задолго до Рождества Христова возникли первые версии романа об Александре. Другое дело, что эти сочинения не считались вполне серьезной литературой, неслучайно и слово ἀρεταλόγος, обозначавшее служителя храма, записывавшего чудеса, стало синонимом «сказочника».

Не столько влияние христианства на язычество породило эти сочинения, сколько общая атмосфера эпохи, в которой именно этот тип литературных сочинений стал востребованным. А причиной этому было и преобладание риторики в системе образования, и упадок интереса к естественным наукам наряду с возрастанием внимания ко всему чудесному и загадочному, и постоянные контакты с представителями других культур.

«На фоне все возрастающего влияния христиан, обладающих Священным Писанием, Порфирий выстраивает свой священный канон, в котором поэмы Гомера, наряду с Платоном и Халдейскими оракулами, занимают весьма важное место» (с. 156). – Опять-таки влияние христиан для доконстантиновской эпохи преувеличено. У язычников лишь кристаллизуется тот канон, который фактически сформировался, по крайней мере, в эллинистическую эпоху. Противопоставление его Священному Писанию христиан актуально скорее для V-VI вв. Во времена Порфирия перевес во всех отношениях еще на стороне язычников. Во всяком случае,

трудно себе представить, что собирая труды своего учителя и предпосылая им его жизнеописание, Порфирий руководствовался исключительно желанием возразить христианам, и едва ли борьба с ними была главным смыслом его жизни.

Несколько натянутым представляется мне и рассмотрение эпизода с Фавмасием на сс. 194-199 (по мнению Р. Соловьева под этим именем выведен Ориген): в объяснении скорее чувствуется желание увидеть за этим персонажем Оригена, нежели всякая аргументация. Хотя это имя действительно редкое, на общем фоне греческих имен, почти всегда «говорящих», оно не выглядит настолько выразительным, чтобы характеризовать конкретного человека, и эпитет «удивительный», относимый к Оригену его учеником Феодором (Григорием), нельзя назвать прозвищем «по выдающейся черте».

Вполне естественно, что столь масштабная личность, как Ориген, могла привлечь к себе внимание даже убежденных противников христианства. Однако у самих христиан Ориген изначально, еще со времени конфликтов с александрийским епископом Димитрием, был фигурой пререкаемой, что и вылилось в бесконечные споры о нем и в его последующее осуждение. Григорий Чудотворец и Евсевий Кесарийский принадлежали к числу почитателей Оригена, однако в ту же эпоху уже существовали и антиоригенисты, например, Мефодий Олимпийский, тоже возможный оппонент Порфирия. Вообще в каком-то смысле для языческих философов Ориген был более «своим», чем для единоверцев.

Некоторые возражения вызывает и сравнение последующих путей развития платонизма и христианства: «Замкнувшаяся для христиан во времена Ямвлиха философская школа сужала круг людей, кому был открыт доступ ко спасению: это были ученые, читавшие и комментировавшие авторитетные тексты, практиковавшие восхождение по лестнице добродетелей, – от политических до теоретических, – а позднее совершавшие теургические действия. Здесь хорошо видна разница между христианством и

неоплатониками: *Церковная история* Евсевия Кесарийского стала нарративом об Откровении истинной мудрости, дарованной в воплощенной Премудрости. В ней наглядно изображался другой, конкурирующий формат институционализации: формат Церкви, которая проповедовала «благую весть», «истинную философию» как среди греков, так и среди варваров, не замыкаясь узкими рамками школы, обучая готовящихся к оглашению, наставляя христиан через проповеди, истолковывая Священное Писание» (с. 209). - Здесь не учитывается историческая обстановка, в которой продолжали существовать оба направления. В эпоху после Константина, и особенно после Феодосия I, объявившего веру императора обязательной для его подданных, церковь в своей проповеди опиралась на репрессивную государственную машину, а языческим философам излишняя открытость грозила слишком крупными неприятностями (ср. в «Кодексе Феодосия» - СТh. 16. 7.1; 16. 7. 2; 16. 10. 4 и т.д.).

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Таким образом, соискатель Соловьёв Роман Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела Античной литературы
Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии
наук

Александрова Татьяна Львовна

30.11.2023 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.02.14 – «Классическая филология, византийская и новогреческая
филология»

Адрес места работы:

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук

Тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: info@imli.ru

Подпись сотрудника ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Александровой
Татьяны Львовны удостоверяю: